

Научная статья

УДК 821.054.7.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-144-157>

<https://elibrary.ru/TBOWRA>

П.М. БИЦИЛЛИ И К.В. ФЛОРОВСКАЯ (ПО ЕЕ ПИСЬМАМ К Г.В. И А.В. ФЛОРОВСКИМ)

© 2024 г. Л. Киейзик

Исследование подготовлено при финансовой поддержке гранта Национального Центра Науки (Польша) (проект № UMO-2017/25/B/HS1/00530 «Второй план: женщины в русской философии»).

Аннотация: Статья посвящена взаимоотношениям П.М. Бицилли и К.В. Флоровской на фоне исторических событий первой половины XX в. — Первой и Второй мировых войн, русской революции, Гражданской войны. Особое внимание уделяется положению и перипетиям судьбы русских эмигрантов (прежде всего ученых) в Болгарии и в Чехословакии в 1920 х гг. В качестве фактического материала использованы письма К.В. Флоровской 1922–1953 гг. к братьям — Г.В. и А.В. Флоровским.

Ключевые слова: П.М. Бицилли, К.В. Флоровская, Г.В. Флоровский, А.В. Флоровский, русская эмиграция в Софии и Праге, эпистолярное наследие.

Информация об авторе: Лилианна Киейзик — PhD, ординарный профессор, Институт философии, Зеленогурский университет, ул. Аллея Войска Польского, д. 71А, 65 001 г. Зелена Гура, Польша.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9397-731X>

E-mail: l.kiejzik@ifil.uz.zgora.pl

Для цитирования: Киейзик Л. П.М. Бицилли и К.В. Флоровская (по ее письмам к Г.В. и А.В. Флоровским) // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 144–157.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-144-157>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

PIOTR BITSILLI AND KLAVDIIA FLOROVSKAIA (ACCORDING TO HER LETTERS TO GEORGII AND ANTONII FLOROVSKII)

© 2024. Lilianna Kiejzik

Acknowledgements: The study was prepared with the financial support of a grant from the People's Center for Science (Poland) (project no. UMO-2017/25/B/HS1/00530 “The Second Plan: Women in Russian Philosophy”).

Abstract: The article is devoted to the relationship between Piotr M. Bitsilli and Klavdiia V. Florovskaia against the background of historical events of the first half of the 20th century — the First and Second World Wars, the Russian Revolution, the Civil War. Special attention is paid to the situation and the vicissitudes of the fate of Russian emigrants (primarily scholars) in Bulgaria and Czechoslovakia in the 1920s. The letters of Florovskaia from 1922–1953 to her brothers, Georgii V. and Antonii V. Florovskii, were used as factual material.

Keywords: Piotr M. Bitsilli, Klavdiia V. Florovskaia, Georgii V. Florovskii, Antonii V. Florovskii, Russian emigration to Sofia and Prague, epistolary heritage.

Information about the author: Lilianna Kiejzik, PhD in Philology, Full Professor, Institute of Philosophy, University of Zielona Góra, Al. Wojska Polskiego 71A, 65-001 Zielona Góra, Poland.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9397-731X>

E-mail: l.kiejzik@ifil.uz.zgora.pl

For citation: Kiejzik, L. “Piotr Bitsilli and Klavdiia Florovskaia (According to Her Letters to Georgii and Antonii Florovskii).” *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 144–157. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-144-157>

Исследование проблематики русской эмиграции после Октябрьской революции, к счастью, ведется всесторонне и принесло уже свои значительные результаты. Появился ряд работ как русских, так и болгарских, польских, немецких и чешских исследователей. В них освещены многие проблемы, характерные прежде всего для таких эмигрантских центров, как, например, Прага. Ввиду разных статистических данных, не до конца однозначно определено число русских эмигрантов в рассеянии. Многие исследователи сходятся в том, что русская эмиграция началась не с изгнания из России советской властью интеллигенции в 1922 г., но гораздо раньше, сразу после победы Октябрьской революции. Первые беженцы из России — это большая группа солдат с Западной Украины, которые в 1919 г. были интернированы в Чехословакии, а потом постепенно репатриированы. Другую группу составляли беженцы из юго-восточной и северо-западной части России (из Одессы, Крыма, Прибалтики), а потом еще из Сибири и Дальнего Востока. Третья группа появилась в 1920–1921 гг. после поражения Белой армии на юге России. Последняя крупная волна беженцев, прибывавших в Сербию, Болгарию и Чехословакию, состояла преимущественно из представителей интеллигенции, в том числе университетских профессоров и членов их семей [10, с. 19]. Они были особенно «ценными», ибо после Первой мировой войны большинство стран Европы страдало нехваткой профессоров. Отсюда известная «русская акция» президента Чехословацкой республики (ЧСР) Т. Масарика для привлечения в страну ряда русских ученых. Ее целью было предоставление беженцам возможности работы и образования, а также включения русских крестьян в систему чехословацкого сельского хозяйства. Очень быстро информация об этой акции распространилась среди русских беженцев в других странах, и число эмигрантов в ЧСР начало расти. В 1922 г. они составляли 6 тысяч человек, в 1925 г. их было уже около 25 тысяч [4, с. 47–95].

Русские профессора приглашались в университеты и в других странах Европы. Например, в Софийском университете с 1920 по 1948 гг. лекции читали 36 русских преподавателей (половина из них на Медицинском факультете) [5, с. 57].

Любопытно отметить, что вообще среди эмигрантов преобладала интеллигенция и полуинтеллигентные классы, но различия между эмигрантскими центрами были большие. Благодаря поддержке чехословацких властей Прага в 1920–1930 е гг. превратилась в интеллектуальную столицу Зарубежной России. И хотя в первое время она количественно уступала главным эмигрантским «центрам» —

Парижу и Берлину, замечен был ее качественный состав. В сознании многих Прага воспринималась как город профессоров и студентов, которые прибыли туда для продолжения работы или учебы. Многие стремились туда попасть, им выделялись денежные средства, вакансии и стипендии. Вскоре о Праге стало известно во всей Европе, она быстро снискала славу «русского Оксфорда». Существовало намерение сохранить русскую культуру¹. Но, несмотря на все положительные стороны жизни в Праге, многие впоследствии ее покинули, находя еще лучшие условия для работы и жизни в Западной Европе. В 1925 г. часть русской диаспоры перебралась в Париж — например, о. Сергей Булгаков стал там организовать Свято-Сергиевский Богословский институт. Через год (1926) за ним последовал Георгий Васильевич Флоровский (1893–1979) — тогда еще молодой и малоизвестный сотрудник Карлова университета, только что защитивший магистерскую диссертацию на тему исторической философии А.И. Герцена. В Париже он получил место преподавателя патрологии. В Праге остался его брат, тоже историк, Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968). В Софии, в Болгарии жили его родители и сестра — Клавдия Васильевна Флоровская (1883–1965).

Положение семьи Василия Антоновича Флоровского (1858–1928) — протоиерея, служившего в Одессе, было сложным. Флоровские покинули Россию в 1920 г., когда победа большевиков стала очевидной, и обосновались в Болгарии, где у них были знакомые. В Софии В.А. Флоровский начал служить настоятелем русской церкви, его супруга Клавдия Георгиевна (урожд. Попруженко, 1863–1933) не работала. Из детей с ними за границей оказались дочь Клавдия (которую все называли Дусей) и младший сын Георгий.

Клавдия Васильевна, уезжая из России, оставила место приват-доцента Императорского Новороссийского университета, где она работала с 1919 г. на кафедре всеобщей истории. К.В. Флоровская была первой женщиной, избранной на пост приват-доцента Советом Новороссийского университета [6, с. 367–368]. В то время она работала над диссертацией о средневековой итальянской истории

¹ К слову сказать, русские эмигранты появились также в Польше. Их общая численность перед Второй мировой войной составляла 10–15 тысяч человек. Но Польша отличалась от других мест русского рассеяния тем, что в ней не было широкой русофильской прослойки, отсутствовала также какая бы то ни было «русская политика». Сюда попадали прежде всего те, кто хотел бороться с большевиками [1, с. 7–8; 2]. Как замечает Анна Возняк в статье «Зинаида Гиппиус о польской эпопее 1920 года» в Польше отмечает отсутствие особого интереса к русской диаспоре, ибо Польша имела тогда другую цель — сохранить свою независимость [2, с. 7].

и читала курс «Общественные и политические движения в Италии в средние века». Дверь в научную карьеру для нее, едва открывшись, почти сразу закрылась, когда она оказалась за границей.

В первое время в Софии К.В. Флоровская не работала, потом устроилась на должность учительницы латинского и русского языков в софийских гимназиях. Ее брат Георгий Васильевич некоторое время работал корректором в российско-болгарском книгоиздательстве, но при первой возможности, в 1921 г., переехал в Прагу. Через год к нему присоединился Антоний Васильевич — историк-славист и историограф. Братья Флоровские получили места сотрудников в Пражском университете. Между Клавдией, оставшейся с родителями в Софии, и братьями началась переписка, которая длилась до ее смерти в 1965 г.² Сестра снабжала братьев информацией о научной жизни болгарской эмиграции, о том, чем эмигранты интересовались, какие книги читали, какие мероприятия организовали, в каких участвовали. Она всячески помогала им в их научной карьере, ходила в библиотеку, конспектировала научную литературу, делала из нее выписки, покупала книги и посылала в Прагу — прежде всего Георгию, которого считала своим воспитанником.

К.В. Флоровская была в курсе всего, чем жила «русская София», имела широкие контакты с теми, кто работал в Болгарии, сама вела переписку с видными представителями диаспоры. Обо всем сообщала братьям.

В первые годы эмиграции Клавдия Васильевна тоже хотела покинуть Софию. Город ей не нравился, в письмах Георгию она называет его «дырой» [9, с. 35]. Она все мечтала работать в области науки, но подозревала, что сфера ее научных интересов, связанная со средневековой историей, не будет востребована. Правда, она знала несколько языков, но жены профессоров, которые получали предложения работать в вузах, тоже знали языки и могли составить ей конкуренцию. Тем не менее она, несмотря ни на что, не оставляла надежды заниматься наукой, или, по крайней мере, оставаться *au courant* научных проблем. Так, 15 июля 1923 г. она писала брату Георгию:

² Письма К.В. Флоровской к братьям — Георгию и Антонию Флоровским хранятся в Национальной библиотеке Чешской Республики — Славянской библиотеке в Праге (Slovanská knihovna, Praha), в архиве Антония Васильевича Флоровского. Весь фонд состоит из 50 коробок, он полностью каталогизирован и находится в свободном доступе. В нем 177 писем Клавдии (Дуси) к брату Георгию и 128 писем к брату Антонию.

Я знаю сама, что для борьбы с внешними неудачами и невзгодами надо иметь опору в себе самом, — у меня такая опора и есть, и поверь, что внешнее имеет на меня гораздо меньше влияния, чем на кого-либо; но беда в том, что главная-то моя неудача внутренняя и притом совершенно непоправимая: нельзя вернуть по крайней мере 15 лет жизни, чтобы поправить все те ошибки, которые на 41-м году поставили меня перед разбитым корытом. Об этом теперь, конечно, напрасно и говорить, и надо постараться только, чтобы остальную часть жизни, а я уверена, что проживу еще долго, не потерять так же бесплодно для себя и для других. А это сделать очень трудно, потому что заниматься моей действительной профессией — уже раз она такая — я не могу по здешним условиям; кое-что можно здесь делать, но довести до конца невозможно. А если так, то, вернувшись в Россию, предположим, даже через год, я не смогу продолжать эту профессию и там. Я не говорю, что не считаю науку своим делом; я вовсе не думаю, что я меньше приспособлена к научной работе, чем многие другие; я не могу делать переворотов в науке, но читать хорошие лекции, издавать тексты, писать полезные статьи, переводить я вполне в состоянии. Но не забывай, что я женщина, и что акад<емическая> жизнь, разумеется, останется в руках тех же или таких же старых и молодых грымз мужского пола, как была и раньше; следовательно, с меня будет требоваться гораздо больше, чем с мужчины [9, с. 149–150].

И она была права.

К.В. Флоровская пыталась заинтересовать своим вопросом так называемый «Пражский Земгор»³, писала прошение в Министерство иностранных дел Чехословакии, но ее надежды на положительный исход дела не оправдались. Пришлось устраивать свою жизнь в Софии.

Ко всему прочему русская эмиграция не была однородной, шла борьба за существование, за хорошее место работы. Как сообщает В.И. Косик, «русская профессура привезла с собой <в Болгарию. — Л.К. > и интриги, склоки, “подкладывание свиньи”» [5, с. 67]. София многих не устраивала ни своими библиотеками, ни оплатой. Одни уезжали в другие города и страны, другие возвращались на родину.

³ Земгор — организация, созданная в Российской империи на базе земств и городских дум, в 1915–1917 гг. — главный комитет Всероссийских земского и городского союзов по снабжению армии. В эмиграции Земгор стал посредником в распределении помощи для русских беженцев. «Пражский Земгор» был основан в марте 1921 г. (см.).

Например, кн. Н.С. Трубецкой, недовольный тем, что ему предложили место доцента, а не профессора, и перебрался в 1922 г. в Вену. Во Францию уехали литературовед К.В. Мочульский — автор статей о поэзии Серебряного века и монографии о Вл. Соловьеве — и историк искусства А.Н. Грабар. А занимавший в дореволюционной России пост ректора Санкт-Петербургского университета историк Э.Д. Гримм, не дождавшись решения квартирного вопроса и повышения заработной платы, в 1923 г. уехал в СССР. На освободившуюся вакансию профессора по кафедре новой и новейшей истории Софийского университета был приглашен Петр Михайлович Бицилли (1879–1953).

В получении места работы ему помогла К.В. Флоровская. Она обращалась к крупнейшему болгарскому историку-медиевисту Василию Златарскому. В письме от 6 августа 1923 г. она пишет об этом Георгию:

Я получила недавно отчаянное письмо от Бицилли с жалобой на сербов и с просьбой, нельзя ли ему как-нибудь попасть сюда. Я говорила с Златарским, который не считает этого невозможным, т<ак> к<ак> с удалением Гримма (он выслан вместе с большевицкой миссией в Россию) должен быть поднят вопрос о профессоре по всеобщей истории, своего у них нет никого, и он обещал найти в архиве все документы к избранию Бицилли в 1920 г. и все устроить⁴, т<ак> ч<то> его пригласят. Конечно, это пока журавль в небе, и до начала учебного года ничего нельзя сделать, но все же Бицилька рад [9, с. 154].

Потом еще несколько раз напоминала проф. Златарскому о кандидатуре П.М. Бицилли [6, с. 124], а затем в нескольких письмах общалась Георгию все подробности переезда Бицилли в Софию.

Любопытно отметить, что в 1919 г. на место приват-доцента Новороссийского университета К.В. Флоровскую рекомендовал именно профессор П.М. Бицилли. Они вместе работали несколько лет в университете [6, с. 367–368]. Только в 1921 г. он уехал из Одессы в Скопье и там начал работать в филиале философского факультета Белградского университета.

Бицилли прекрасно знал семью Флоровских, с Клавдией Васильевной они были друзьями, с Антонием Васильевичем — товарищами по работе. Одно время, когда в Болгарии появилась опас-

⁴ П.М. Бицилли подавал документы на занятие кафедры новой и новейшей истории Софийского университета еще в 1920 г., но проиграл тогда Э.Д. Гримму.

ность, что русских будут увольнять, он даже искал работу для отца Клавдии. Узнаем об этом из ее письма от 30 июня 1922 г. к брату Георгию. Она ему сообщала:

Вчера я получила письмо от Бицилли, которое меня удивило и тронуло. Я ничего ему не писала о своих затруднениях, но, очевидно, зная, что здесь русских теснят, он хлопотал через Доброкл<онского>. И сообщает, что папа смог бы получить в Сербии место законоучителя в некоторых русских школах и что и я могла бы рассчитывать там на учительское место. Это очень трогательно с его стороны, но папе сейчас как будто ничто не угрожает (кроме всегда возможных неожиданностей); его «классифицировали», так же как и просветителей, конечно, I классом, с зачетом всей службы, так что он будет получать там немного больше, чем прежде. Конечно, угроза в виде перехода семинарии в ведение Мин<истерства> ва просвещения и возможных отсюда последствий остается, но сейчас это еще никак нельзя определенно предугадать [9, с. 75].

Письма П.М. Бицилли К.В. Флоровской 1920–1923 гг. были опубликованы Т.Н. Галчевой и И.В. Голубович [2, с. 27–150]. В комментариях к этим письмам авторы ссылаются на письма Клавдии к брату Георгию (из архива Славянской библиотеки в Праге), которому она сообщала все софийские новости. Первоначально Бицилли просто описывал ей свою жизнь в Скопье — как научную, так и личную, делился воображениями. Со временем он стал просить ее навести справки в *Corpus Inscriptionum Latinarum*⁵, так как стал заниматься Скопьевскими надписями [9, с. 90]. В письме от 25 ноября 1922 г. Клавдия сообщала брату, что «не все они по справкам оказываются изданными. А у него там *Corpus*’а и вообще старых, основных изданий нет» [9, с. 91]. Бицилли она выручала много раз.

В 1923 г. положение профессоров в Сербии сильно ухудшилось. Семье Бицилли материально стало очень тяжело. И хотя в Софии тоже было непросто устроиться, ибо, как писала Клавдия Георгию, с «русскими беженцами не считаются», она решила помочь Бицилли.

Она очень расстроилась, когда в октябре 1923 г. получила от него открытку, в которой он писал, что «готов согласиться идти учителем

⁵ *Corpus Inscriptionum Latinarum* — «Свод латинских надписей» эпохи античности, в 17 томах, 70 частях (1853 – наст. вр.). «Свод» является одним из наиболее полных и цитируемых изданий такого рода, важным источником по античной эпиграфике, частной и общественной жизни Древнего Рима.

в кадетский корпус в Сараево, откуда уже ему будет трудно вырваться» [9, с. 161]. После этого К.Ф. Флоровская очередной раз виделась с Златарским, который обещал ей поставить вопрос в университете на очередном заседании историко-филологического факультета о приглашении Бицилли. Она сообщила об этом Георгию в письме от 26 октября 1923 г.:

...он <Златарский. — Л.К. > мне сказал, что как раз сегодня будет первое заседание факультета, и он этот вопрос поднимет. Надежда есть, т<ак> к<ак> на объявленный конкурс явился только один кандидат, и тот совсем слабый» [9, с. 161].

В итоге вопрос о приглашении Бицилли в Софийский университет был решен положительно, в декабре 1923 г. Совет министров Болгарии одобрил это решение. В свою очередь Петр Михайлович отблагодарил Болгарию в полной мере. Работал изо всех сил, студенты его очень ценили. По замечанию его первого биобиблиографа А.П. Мещерского, «за 24 года своего преподавания в Софийском университете П.М. Бицилли никогда не повторил курса своих лекций» [8, с. 584]. Похожее утверждение мы находим у В.И. Косика:

В предоставленную ему небольшую аудиторию набивались студенты, и философы, и историки, и богословы, и юристы, и филологи, и агрономы, и др. <...> Входил в ту небольшую группу профессоров, которым аплодировали после лекции, хотя это не было принято в университете [5, с. 73].

Работая в Софии, он написал и опубликовал 3 учебника для студентов [5, с. 75].

Дружба Флоровской и Бицилли в эти годы стала еще крепче. Петр Михайлович предложил ей свои услуги по доставке книг, который выписывал для Клавдии Васильевны в университетской библиотеке на свою фамилию. Уговаривал ее «хабилитироваться» в Болгарии [9, с. 176], о чем Флоровская сообщала брату Георгию, оговариваясь, что нет для этого оснований в материальном отношении. При содействии Бицилли Клавдия наводила справки для Георгия. Она пишет брату 28 февраля 1924 г.:

Бицилли после первых дней метаний и отчаяния немножко успокоился, нанял на 3 мес<яца> за 400 л<евов> в мес<яц> комнату на Оборище, около Военного учил<ища> (за Перловуем), в ожида-

нии квартиры, которую ему обещала жил<ищная> комиссия, и начал заниматься. Я при его любезном содействии навела справки по твоим поручениям в Унив<ерситетской> библ<иотеке>, но увы! В «Христ<ианском> чт<ении>»⁶ 1901 и 1902 г. нужных тебе писем о. Е. Попова⁷ не оказалось, а дальнейших годов нет. Renouvier⁸ по каталогу значатся только 1 и 2 тома, но и те каким-то профессором взяты. Биц<или> обещал спустя немного опять навести об этом справку и, если можно, потребовать; но ведь надо как раз 3 й том. Масса книг (с 1916 г.) не занесены в каталог и м<огут> б<ыть> найдены только по инвентарю; а между тем все есть, все нововыходящие (за границей) русские книги, часто даже по несколько экземпляров, которых никто не читает. Я рассчитываю через Биц<или> ими воспользоваться [9, с. 178–179].

Флоровская и Бицилли начали проводить вместе много времени, встречались чуть ли не каждый день. Одно время Клавдия снимала у семьи Бицилли комнату. Вместе они участвовали в жизни Русской академической группы, которая в Софии существовала еще с 1921 г.⁹, отстаивали ее интересы. Кроме того, они совершали совместные прогулки, организовывали экскурсии и разного рода мероприятия. Обо всем этом Клавдия сообщала Георгию.

Так, в ее письме от 15 апреля 1924 г. читаем:

Наступает весна, уже тепло и все зеленеет. На днях мы с Биц<или> ходили в Бояну, смотреть церковь, набрали там массу фиалок. Он усиленно занимается, читал на днях в здешнем историч<еском> обществе (есть такое под председ<ательством> Златарского) доклад «О христианстве и гнозисе» — прочел только первую часть, сильно

⁶ «Христианское чтение» — российский православный научно-богословский журнал Санкт-Петербургской православной духовной академии. Основан по предложению архимандрита Григория (Постникова) в 1821 г.

⁷ Евгений Иванович Попов (1813–1875) — протоиерей, магистр Санкт-Петербургской духовной академии; священник русской церкви за границей. Автор ряда статей и корреспонденции в русских духовных журналах («Православное обозрение», «Христианское чтение», «Странник»).

⁸ Ренувье Шарль (Renouvier; 1815–1903) — основатель французского неокритицизма.

⁹ Русская академическая группа, объединившая русских профессоров, при Софийском университете была организована в апреле-мае 1921 г. В ее задачи, кроме организационно-материальной поддержки, входило обсуждение научных проблем и вопросов современной церковной жизни в России и в диаспоре.

всех заинтриговавшую. Болгары, между прочим, обрадовались, услышав в этом что-то рационалистическое, что им всегда нравится — научная критика евангелий и т. п. Он, по-видимому, разочарует, т<ак> к<ак> имеет в виду обосновать строго православное отношение к евангелиям. В общем, это историч<еское>общество производит все-таки отрадное впечатление — сидят люди серьезные, знающие (свою историю они знают очень хорошо) и интересующиеся серьезными вопросами [9, с. 182–183].

Через год после окончания Второй мировой войны К.В. Флоровской пришлось выселиться из квартиры П.М. Бицилли — по причинам, которые она изложила в письме от 12 июня 1946 г. к брату Антонию:

К сожалению, пришлось расстаться с Бицилли, у которых мне жилось очень хорошо, как у родных; но дело в том, что собственники их квартиры, живущие в провинции, заявили претензию на одну комнату для своего сына-студента и вообще для своих приездов в Софию. Мне совершенно случайно удалось найти комнату, и нельзя было ее упускать, жилищный кризис здесь ужасный, и не видно облегчения. Новая моя комната совсем в другом районе — ул. Венелин, 11 (в этом же доме живет о. Георгий Шавельский), в некоторых отношениях более удобном, т<ак> к<ак> ближе к центру; но в прежнем районе я прожила 22 года и очень привыкла к нему, да и в самом деле он хорош. Но ничего не поделаешь! [9, с. 252].

П.М. Бицилли ушел из жизни 25 августа 1953 г. Почти месяц спустя, 23 сентября, Клавдия сообщала в письме брату Антонию следующее:

П.М. Бицилли умер 25.VIII. Ему было 74 года. Конечно, он мог бы жить и дольше, тем более что сохранил полностью свои умственные силы. Сейчас его зять <кн. А.П. Мещерский. — Л.К.> старается собрать и выяснить его литературное наследство, он ведь много писал, даже и в самое последнее время. К сожалению, многих изданий, где он печатался, сейчас невозможно найти [9, с. 254].

Князь Андрей Павлович Мещерский (1915–1992) через год с лишним после смерти П.М. Бицилли подготовил библиографию его трудов. Эта работа ныне доступна в Интернете в виде факсимиле подлинника машинописного текста А.П. Мещерского. Клавдия со-

общала брату Антонию, что часть работ, которые печатались в иностранных журналах, она не знает [9, с. 263]. Через некоторое время, в августе 1955 г., она вместе с семьей Любошинских уехала из Болгарии в СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Возняк А.* Зинаида Гиппиус о польской эпопее 1920 года // *Roczniki Humanistyczne*. 2011. № 7. С. 5–23.
2. *Галчева Т.Н., Голубович И.В.* «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”»: П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София: Солнце, 2015. 320 с.
3. *Демидова О.* Русская эмиграция в Польше (1919–1940) (Из архива А.П. Вельмана) // *Slavia Orientalis*. 2000. № 2 (49). С. 226–235.
4. *Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой Республике (1919–1939) (Менее известные аспекты темы) / под ред. Л. Белошевской.* Прага: Славянский ин-т Акад. наук ЧР, 1999. 353 с.
5. *Косик В.И.* Софии русский уголок. Очерки со стихами о русских, покинувших Россию после октябрьской революции 1917 года и последовавшей за ней гражданской войны. М.: Пробел-2000, 2008. 234 с.
6. *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. 536 с.
7. *Серапионова И.П.* Пражский Земгор и его деятельность // *Записки Русской академической группы в США*. New York, 2001. Т. XXXI. С. 186–195.

Источники

8. *Мещерский А.П.* Заметки и материалы к биобиблиографии русских ученых в Болгарии. 1920–1949 // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / сост., вступ. ст., коммент. М.А. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 562–588.
9. «Мне надо, чтобы моя жизнь имела какую-нибудь цель и смысл». Клавдия Флоровская: письма к братьям Георгию и Антонию Флоровским / под ред. Л. Киейзик, Н. Орловой. Зелена Гура, 2019. 287 с.
10. *Сладек З., Белошевская Л.* Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939). Прага: Славянский ин-т Акад. наук ЧР; Еврославики, 1998. 344 с.

REFERENCES

1. Woźniak, Anna. "Zinaida Gippius o pol'skoi epopee 1920 goda" ["Zinaida Gippius on the Polish Epopee of the 1920"]. *Roczniki Humanistyczne*, no. 7, 2011, pp. 5–23. (In Russian)
2. Galcheva, Tania N., and I.V. Golubovich. "Ponemnogu prisposobliaiushchies' k 'nezavisiaschchim obstoiatel'stvam': P.M. Bitsilli i sem'ia Florovskikh v pervye gody emigratsii" ["Little by Little I Am Adapting to the 'Circumstances beyond Control': P.M. Bitsilli and the Florovskii Family in the Early Years of Emigration"]. Sofia, Solntse Publ., 2015. 320 p. (In Russian)
3. Demidova, O. "Russkaia emigratsiia v Pol'she (1919–1940) (Iz arkhiva A.P. Vel'mana)" ["Russian Emigration to Poland (1919–1940) (From the Archive of A.P. Vel'man)"]. *Slavia Orientalis*, no. 2 (49), 2000, pp. 226–235 (In Russian)
4. Beloshevskaja, L., editor. *Dukhovnye techeniia russkoi i ukrainskoi emigratsii v Chekhoslovatskoi Respublike (1919–1939) (Menee izvestnye aspekty temy)* [Spiritual Currents of Russian and Ukrainian Emigration in the Czechoslovak Republic (1919–1939) (Lesser-Known Aspects of the Topic)]. Prague, Slavic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic Publ., 1999. 353 p. (In Russian)
5. Kosik, V.I. *Sofii russkii ugiolok. Ocherki so stikhami o russkikh, pokinuvshekh Rossiiu posle oktiabr'skoi revoliutsii 1917 goda i posledovavshei za nei grazhdanskoi voiny* [Sofia's Russian Corner. Essays with Poems about Russians Who Left Russia after the October Revolution of 1917 and the Civil War that Followed]. Moscow, Probel-2000 Publ., 2008. 234 p. (In Russian)
6. Popova, T.N. *Istoriografiia v litsakh, problemakh, distsiplinakh: Iz istorii Novorossiiskogo universiteta* [Historiography: People, Problems, Disciplines. From the History of the Novorossia University]. Odessa, Astroprint Publ., 2007. 536 p. (In Russian)
7. Serapionova, I.P. "Prazhskii Zemgor i ego deiatel'nost'" ["Prague Zemgor and its Activities"]. *Zapiski Russkoi akademicheskoi gruppy v SSHA* [Notes of the Russian Academic Group in the USA], vol. 31, New York, 2001, pp. 186–195. (In Russian)

Дата поступления статьи: 7 августа 2021 г.

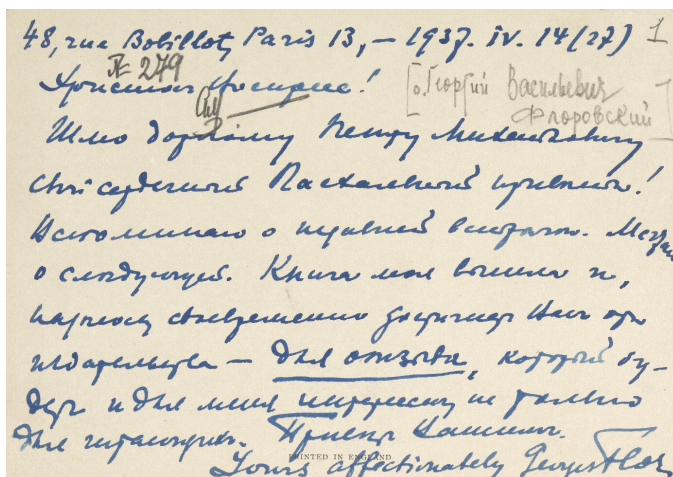
Дата одобрения рецензентами: 10 мая 2023 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 7 August 2021

Approved after reviewing: May 10, 2023

Date of publication: December 26, 2024

Илл. 1. Открытка Г.В. Флоровского П.М. Бицилли. 27 (14) апреля 1937. РО ИРЛИ. Ф. 804. Оп. 1. Д. 132. Л. 1

Fig. 1. Postcard of G.V. Florovsky to P.M. Bitsilli. 27 (14) April 1937. Manuscript Department of IRL RAS. F. 804. Op. 1. Dossier 132. Sheet 1

Илл. 2. П.М. Бицилли, К.В. Флоровская, П.М. Любошинский, С.Н. Любошинская. Персенк (Болгария), конец 1930-х. Из личного собрания Е.П. Ивановой-Аначковой (София)

Fig. 2. P.M. Bitsilli, K.V. Florovskaia, P.M. Liuboshchinskii, S.N. Liuboshchinskaiia. Persenk (Bulgaria), late 1930s. From the personal collection of E.P. Ivanova-Anachkova (Sofia)